

Забвение

Яреци Фернандез

Этот день выдался прохладным, хмурым и дождливым. Ничего делать не хотелось, и после обеда она направилась в библиотеку. Она любила это место, здесь всегда было спокойно и тихо, никто и ничто не мешало ей предаваться своим мыслям.

Там снова было пустынно и бесшумно. Ей даже на мгновение показалось, что в этом помещении не слышны вообще никакие звуки. Она хотела что-то прочитать, что-то такое, что не позволяло бы вспоминать ту прогулку, случившуюся некоторое время назад. Самым интересным во всей этой истории оказалось, что она живет с очень хорошей соседкой, которая ничего не спрашивала, а просто отдала книгу и тетрадь. Яреци надеялась, что и он не листал ее тетрадь. Вдруг он смеётся над ней? Вдруг он тоже не захочет с ней общаться, считая ее маленькой глупой истеричкой, которая только и умеет делать, что читать и зубрить. Вот одноклассник ей примерно так и сказал.

Черт, почему же она влюбилась в этого человека? Что сделать, чтобы его забыть? Как уничтожить свою память? Наверное, надо просто забить свою голову всякого рода разной информацией, чтобы не было места мыслям о нем. Это ведь реально? Ведь что-то же должно работать.

Ее одноклассницы вели себя несколько по-другому, они старались следить за учителем, попадаться ему на глаза и даже одна старалась отвечать ему чуть ли не на каждом уроке. Однажды даже ее попросили что-то о нем узнать. Так вели себя нормальные люди, себя же она к ним не относилась. Одно дело влюбиться в одноклассника, но другое - в человека, который намного старше тебя...

Она села за маленький столик. Открыла книгу по истории Китая и погрузилась в чтение, однако вскоре поймала себя на мысли, что не понимает, что читает. Перед ней были буквы, они складывались в слова, те соединялись в предложения, которые должны были нести какой-то смысл, но мозг его не улавливал. Она закрыла глаза, чтобы немного отдохнуть, но незаметно задремала. Последнее время со сном было неважно, ей снились не очень приятные сны, не кошмары, конечно, но неприятное послевкусие оставалось после снов. Надо было с этим что-то делать. Но сейчас она дремала.

Тору Мотидзуки

Местную библиотеку Тору открыл для себя относительно недавно. Нет, он, конечно, знал о ее существовании и даже ходил туда на экскурсию, но, раньше как-то не добирался до серьезного изучения имеющейся в наличии литературы. А, буквально пару недель назад, пытаясь отыскать одну из интересующих его книг по боевым искусствам, обнаружил столько всего занимательного и достойного выделения на него времени, что с тех пор начал появляться в библиотеке чуть ли не каждый день.

Вот и сегодня, отменив все прогулки и тренировки из-за не самой приятной погоды, Тору направился в хранилище знаний с целью провести пару-тройку часов за

чтением одной из книг, которую он присмотрел в свое прошлое посещение. В библиотеке было тихо. Из всех голодных до знаний обитателей монастыря здесь находилась только хорошо знакомая Мотидзуки ученица, дремавшая над открытой книгой. Несмотря на имевшее место общение с ней не в рамках занятий или мастер-классов, для японца девушка оставалась загадкой. Ее непонятное поведение, закончившееся бегством с сопутствующим забыванием своих вещей долго не давало Тору покоя, заставляя снова и снова прокручивать события того дня. С тех пор Ярецы умудрялась не попадаться ему на глаза, так что оставленные ей книгу и тетрадь японец передал через ученицу, назвавшуюся ее соседкой.

После недолгих колебаний Мотидзуки присел с другой стороны столика, внимательно разглядывая лицо девушки и пытаясь разгадать, что же творится в ее голове. Он не был знатоком человеческих душ, а в делах, касающихся переживаний юных особ женского пола, и вовсе, понимал не больше чем в устройстве андронного коллайдера. Но поскольку Тору чувствовал перед этой ученицей некую личную ответственность, он хотел разобраться, чем же так легко выводит ее из равновесия, чтобы постараться не допускать подобных ошибок в будущем. Ему хотелось с ней поговорить, задать волнующие его вопросы, но он просто сидел и не предпринимал активных действий, не решаясь прервать хрупкий девичий сон.

Яреци Фернандез

"На что готов пойти человек ради любви? Эдмон Дантес смог понять и простить Мерседес, которая его хоть и предала, но сделала это от безысходности, думая, что он погиб при попытке к бегству. Лютиэн отреклась от своей истории и семьи, чтобы быть вместе с любимым Береном. Онегин вообще стрелялся с Ленским...

Орфей спустился прямо в сердце царства Аида, но не смог спасти любимую Эвридику. Он нарушил условие, и она осталась там. И больше они никогда не встретились. Ни в жизни, ни в смерти. Тяжело жить с осознанием, что оказался трусом. Учительница истории в школе, рассказывая им такую красивую древнегреческую легенду, подвела итог, сказав, что Орфей был трусом. Но Яри так не считала, хотя она была единственной, кто думал иначе. Все остальные ребята высказывали мнение, что он трус. Потому что он испугался, что Аид не отпустит Эвридику. Но ведь бог, пусть и загробного мира, не может обманывать."

Морфей уносил ее в страну забвения, в мир, где нет ничего плохого, опасного, страшного. Где она может быть счастлива. Она хотела быть счастливой. Она хотела быть сильной, и только там, в мире забвения, она могла это осуществить. Она стала придумывать тот мир, ведь пока она там, ей никто не страшен...

Тихие шаги вторглись в ее сознание, и все, что она успела создать, постепенно рушилось. *Теперь вместо поляны с цветами она оказалась во времени строитрльства Великой Китайской Стены, при правлении императора династии Цинь. Она была художницей и зарисовывала портреты строителей. Но один из них не хотел принимать ее подарок, а потом просто порвал рисунок и засмеялся. Его смех был похож на смех дьявола, от которого хотелось убежать, исчезнуть...*

Девушка вздрогнула и поморщилась. Открыла глаза и почувствовала, как кожу обожгло. По щекам стекли слезы. Сердце колотилось в груди, отдавалось в висках, на лбу выскочили капельки пота. Бросив взгляд на раскрытую книгу, она увидела,

что читала про династию Цинь.

И тут она сообразила, что находится не одна. Подняв голову, она увидела мужчину, сглотнула и слегка побледнела. Тот факт, что он ее увидел, да и при таких обстоятельствах, не сулил ничего хорошего. Она боялась снова ляпнуть что-то неправильное.

- М-мистер Мотидзуки... что вы... - она осеклась, боясь продолжить фразу о причинах его появления здесь. - Простите, я... я, кажется, заснула... - выдавила она из себя, стараясь забыть этот очередной кошмар...

Тору Мотидзуки

За время своего пребывания в библиотеке Тору несколько раз порывался разбудить девушку, но, в последний момент, останавливался, так и не решаясь сдвинуться с места. Мелкие подергивания мимической мускулатуры говорили ему, что сон Ярецы полон переживаний и, вероятно, не доставляет сновидице никакого удовольствия. Но этот сон, в любом случае, был чем-то личным, а потому японец не считал себя вправе вмешиваться, как бы ему того не хотелось.

Внезапно девушка проснулась, сопроводив свое пробуждение обильным потоком слез, чем заставила Мотидзуки занервничать и почувствовать себя свидетелем чего-то, что не предназначалось для чужих глаз. Ни платка, ни салфетки, которые можно было бы предложить девушке, у Тору не имелось, так что он решил просто не акцентировать внимание на ее слезах, стараясь перевести все в будничную беседу, лишенную излишней неловкости.

- Здравствуй, Ярецы. Давно тебя не видел на тренировках. Кстати, ты не обязана передо мной отчитываться. Спи, где пожелаешь. Ты же этим никому не вредишь.

Странная привычка девушки каяться во всевозможных грехах, заставляла Мотидзуки быть предельно осторожным. Все шло к тому, что юная ученица начнет оправдываться за то, что смеет дышать с ним одним воздухом или еще за какой-нибудь подобный бред. А потому японец решил сразу обозначить собственное нейтральное отношение к сну в библиотеке и прочим, по его мнению, незначительным вещам.

- Тебе передали книгу и тетрадь?

Последнее Тору не особенно то и волновало, но надо же было с чего-то начать беседу и, при этом, сразу не спугнуть девушку каким-нибудь неудобным вопросом.

Ярецы Фернандез

Он не стал никак реагировать на это, и она была благодарна ему. Это, наверное, был первый человек, который не стал вторгаться в её личное пространство своими вопросами, вызывающими жалость. Девчонки, когда её бросил одноклассник, сначала пытались ей говорить, какое он ничтожество, как он посмел (хотя она потом случайно узнала, что он ею пользовался, чтобы не вылететь из школы за неуспеваемость - ведь она хорошо училась и помогала ему по предметам) её бросить, и бла-бла-бла. К этим словам жалости присоединился как-то учитель

английского, найдя её на школьном дворе на лавочке. Он тоже говорил что-то подобное, а ей хотелось, чтобы к ней не приставали, ну в крайнем случае просто помолчали. Так нет же...

Она стёрла слёзы рукавом свитера и громко и сильно захлопнула книгу. В воздух взметнулось облако книжной пыли, и она чихнула. Мотнула головой, глубоко вздохнула и снова посмотрела на японца. Почему же с появлением на занятиях, проводимых этим японцем, её стали преследовать призраки прошлого? А уж после той встречи у дуба... как же забыть это? Почему люди влюбляются? Получается, что это чувство не такое уж и прекрасное, как о нём пишут в книгах?

Его слова немного отрезвили девушку, и она ещё раз мысленно его поблагодарила.

- Я... да, спасибо вам большое, мистер Мотидзуки, что вернули книгу. А то это папина книга, он бы меня за неё убил... - осеклась она, подумав, что снова сказала лишнее. - Простите, что я тогда так резко убежала... Я... я не знаю, зачем мне тренироваться... я... мистер Мотидзуки, а Вы кого-нибудь любили? - спросила она и сглотнула. Чёрт, ну почему же она не может держать язык за зубами? Почему она такая дура, что говорит не думая?

Тору Мотидзуки

Девушка постепенно начала приходить в себя, что отчетливо отразилось на ее лице, приобретшем свое обычное выражение. Порадовавшись подобным изменениям, Тору не стал заваливать Ярецы вопросами или комментариями, позволив ей самой определиться, что и когда она захочет сказать. Сначала все шло нормально. Юная ученица закрыла книгу, умудрившись при этом умилительно чихнуть, и даже ответила на его вопрос, поблагодарив за возвращение забытых вещей. А вот дальше началась какая-то дичь, заставившая брови японца изумленно поползти вверх.

Первой реакцией Тору на заданный вопрос стала дилемма: оторвать девчонке голову сразу или сначала ответить, а только потом оторвать. Но, своевременно взяв себя в руки, Мотидзуки пришел к выводу, что душевные терзания Ярецы связаны с ее влюбленностью в какого-нибудь местного обалдуя, и своим вопросом она пытается попросить о помощи более взрослого и опытного человека, которого воспринимает как наставника. А при таком раскладе ругать ее или игнорировать высказанную в столь своеобразной форме просьбу о помощи было жестоко и непедагогично.

-Конечно, я все-таки обычный человек, хотя в это почти никто не верит. — Тору позволил себе печально усмехнуться, в кой-то веке разрешив эмоциям отразиться на его лице. — Мне даже как-то случилось жениться...

Невеселую историю его взаимоотношений с бывшей женой и тестем японец считал одновременно одним из самых ярких и, в то же время печальных периодов своей жизни. Но, как бы там ни было, он никогда не хотел вернуться в то время больших надежд и не менее больших разочарований.

Ярецы Фернандез

Девушка ожидала от него примерно такой же реакции, как в первый раз, когда она спросила про катану. Она была уверена, пока было молчание, что он её либо убьёт, либо заставит что-то делать. Зубной щёткой вылизать библиотеку, например. Что-то такое, что позволит выбить всю дурь из её головы.

Бабушка её близкой подруги заставляла ту чуть ли не наизусть учить "Евгения Онегина", чтобы выбить всю дурь из головы. Это было классе в пятом, и к моменту изучения этого произведения подруга Яреци вообще ненавидела не только это бессмертное произведение, но и всё творчество Александра Сергеевича. Яреци тоже не любила Пушкина, но папа считал, что если живёшь в России, то нужно обязательно прочитать что-нибудь из Пушкина, желательно в оригинале, мол, этот поэт лучше всего описывает струны русской души.

Однако мужчина ей ответил. Ей даже показалось, что с какой-то грустью в голосе в какой-то момент. Она не собирала никакие слухи, ходящие по территории монастыря, которые касались его жителей, она даже мало что знала про свою соседку по комнате, да и вообще, её ничего не интересовало из этого. И вот ведь жила она себе спокойно, а потом что-то пошло не так. Ей хотелось узнать больше об этом человеке, желательно от него самого, но ведь вторгаться в личное пространство неприлично, да и любой человек это не оценит. Просто уйдёт. В лучшем случае. Яреци не хотела, чтобы он уходил. Но как вести с ним разговор, если она всё равно задаёт ему неудобные вопросы? Которые в принципе задавать не стоит. И вообще думать о них тоже не стоит. Но что говорить тогда? "Мистер Мотидзуки, я в вас влюбилась, вы мне нравитесь"? Тогда, наверное, он заставит не только библиотеку щёткой мыть, а вообще весь монастырь. Это в лучшем случае. А в худшем... какой тут может быть худший вариант?

- Я... верю, что вы обычный человек, - сказала она, - простите меня, пожалуйста, за эти глупые вопросы... я как всегда говорю, а потом думаю... - она сильно сжала руки в кулаки и посмотрела на поверхность столика. Может действительно попробовать поговорить на какие-нибудь отвлечённые темы? Вот только какие? Всё, что у неё на языке крутилось касалось его персоны. А это уже не отвлечённые темы.

- Как вам погода? - нашла она один вопрос, который не касался ни его персоны, ни своей. Она хотела ему рассказать всё о своих призраках, но боялась.

Тору Мотидзуки

Комментарий Ярецы о вере в его человечность, пахивал попыткой выразить сочувствие, намекая Тору, что он переборщил с откровенностью и проявлением эмоций. Японец не привык близко подпускать к себе людей, лишь единицам позволяя узнать о себе что-то личное и то при немалых усилиях с их стороны. Мотидзуки казалось, что излишняя доверчивость может сделать его уязвимым, и каждое неосторожное слово, как это нередко бывало в детстве, будет, в итоге, против него же и использовано. Так что, предпочитая уйти от скользкой темы, Тору ничего не ответил на замечание девушки, сразу перейдя к нейтральному вопросу о погоде.

- Отвратительно. — Японец не стал вдаваться в подробности, посчитав, что использованное им слово максимально точно отражает его нынешние отношения к

капризам природы.

- Кстати, - решив, что настало время не только отвечать на неудобные вопросы, но и задать парочку своих, Тору вернулся к своему первоначальному плану изучения странного содержимого женской черепной коробки. – Поскольку в мой адрес за время нашего общения последовало уже несколько личных вопросов, полагаю, мне стоит ответить взаимностью. Может быть, ты все же объяснишь такому пробитому чурбану, как я, что же послужило причиной твоего бегства при нашей прошлой встрече. А то я так и буду неосознанно распугивать учеников и заставлять их прятаться от меня по территории монастыря.

Яреци Фернандез

- А я люблю такую погоду. Раньше любила гулять под дождем. Вот помню, гуляла по Арбату... это одна из старинных улиц в Москве... никого людей нет, очень тихо и спокойно... - она замолчала, изучая поверхность стола. Посмотрела на книгу и, вспомнив тот странный сон, вздрогнула.

Почему она теперь всегда вспоминает тот период своей жизни, своих призраков? Что делать, чтобы они отстали от нее? Если даже книга по истории Китая не смогла ее унести в мир чтения? Совершенно случайно ее посетила дикая мысль, что нужно пойти к психологу, вот только где его искать, этого психолога? Обращаться к врачевателям? Но они ведь лечат тело, но не душу. Да и вообще как-то неправильно это.

От него последовали вопросы, заставившие ее снова побледнеть и зажмуриться. Судорожный всхлип, по щекам снова потекли слезы. Да что же это такое! Как же избавиться от этих призраков?

- Я... простите, здесь дело не в вас, а во мне... - она попыталась сдержать судорожный всхлип и протерла рукавом лицо, стирая слезы. - меня преследуют призраки прошлого, и я не знаю, как от них избавиться... - она закусила губу. Боже, что говорить? Она чувствовала, что с губ могут слететь эти слова, соединяющееся в предложение со смыслом, что она в него влюбилась. Но это неправильно. Что он скажет на это? Засмеётся в ее лицо?

- Я... мне кажется, я влюбилась, - "в вас", - но... тогда было все иначе... мистер Мотидзуки, я запуталась. Что мне делать?

Тору Мотидзуки

Из путаных объяснений девушки, сопровождаемых слезами и очередными извинениями, Тору не понял и половины. В какой-то момент он даже пожалел о своем излишнем любопытстве, но идти на попятную и делать вид, что никакого вопроса не задавал, было уже поздно. Из рассказа Яреци японец смог вычленить две вещи: юная ученица мучается из-за каких-то событий прошлого, и она в кого-то влюблена. Найти хоть какую-нибудь связь между этими фактами и бегством девушки во время их последней встречи у Мотидзуки не получилось, и он, решив списать все произошедшее на загадочную женскую душу, оставил дальнейшие разбирательства и полностью переключился на актуальную ситуацию.

- Не думаю, что влюбленность – это так страшно. – Рассуждения на подобную тему, особенно с учетом возраста его собеседницы, требовали от Тору немалых усилий, но японец, приняв решение по возможности помочь Ярецы с ее бедами, теперь уже не мог отступить. – И если в твоём прошлом произошло что-то плохое, то оно совершенно не обязано повторяться в настоящем. Мне кажется, призраки, подобные твоим есть чуть ли не у каждого человека на земле. По крайней мере, за своей спиной я точно видел не меньше двух.

Тору замолчал, не зная, что еще сказать, чтобы ободрить девушку. Он понятия не имел, в кого там умудрилась влюбиться Ярецы. В монастыре было немало молодых людей, способных вызвать интерес у впечатлительной молодой особы, и среди них японец не встречал никого, готового, по его мнению, сознательно обидеть девушку. Так что ему было трудно понять, почему простая влюбленность вызывает у Ярецы такую бурю негативных эмоций и, как ему показалось по ее тону, некоторое чувство безысходности.

Яреци Фернандез

Девушка снова сглотнула и протёрла лицо руками. Жаль, что в библиотеке нет умывальника или чего-то такого, чтобы вот так просто взять и умыться. Придётся страдать, а то если она уйдёт, то он точно посчитает её дурой, психованной, идиоткой, и больше никогда не будет общаться с ней. А ей так хотелось с ним общаться, узнавать о нём что-то новое. Но пока она не узнала о нём ровным счётом ничего, кроме разве что его женитьбы. Интересно, почему он развёлся? Он ведь развёлся?

Этот вопрос уже готов был слететь с её губ, как она сильно зажмурилась, прикусила губу и сглотнула. Вдох-выдох. Слова с губ не слетели. Хороший знак. Но она не верит в это. ну не может быть всё так хорошо... такого просто не может быть...

- А если это произойдёт, это плохое, как жить? Я... - и тут её накрыло, наверное, это был предел, - мне пришлось слишком много приложить усилий, чтобы его забыть. Я спрятала все чувства, эмоции... а потом я приехала сюда, и снова всё началось по кругу... он был моим одноклассником, он только перевёлся в мой класс из другого, и меня попросили помочь ему. Я помогала по предметам, а потом влюбилась. Мне казалось, что он тоже влюбился в меня. А потом из другой школы пришла эта дура. И он изменился. Он перестал учиться. А потом... я подарила ему подарок на день рождения, а он его порвал. И наговорил мне много гадостей. А эта дура стояла и смеялась...

Это всё девушка проговорила очень быстро, чуть ли не на выдохе, так что она, отдышавшись, сообразила, что мужчина мог вообще не понять всю эту чушь. Все взрослые считали это такой мелочью, на которую не стоит обращать внимания. Он, наверное, посчитает так же. Но что делать, если и он тоже порвёт портрет, который она хочет ему как-нибудь подарить? Что, если он сделает это на её глазах?

- Вот. А потом я влюбилась... и... я не знаю, что мне делать... это глупо, да?

Она посмотрела на него с надеждой в глазах, может это действительно глупо, она ведь всего какая-то глупая девчонка, которая влюбляется просто в оболочку. Не в

ту, в которую влюбляются все нормальные люди. И ведёт себя не так, как нормальные люди. Она вздохнула.

Тору Мотидзуки

Временно установившуюся тишину прервал очередной поток слов, заставивший Тору только изумленно взирать на ту, которая была способна из одной-двух заложенных в сообщение мыслей, сотворить настоящее словесное «цунами», возведенное заложенными в него эмоциями в ранг устрашающего стихийного бедствия. Как и в прошлый раз, большую часть адресованного ему послания Мотидзуки не понял, а потому решил ответить на первый прозвучавший вопрос, который ему как-то удалось вычленить из общего потока.

- Во-первых, мне не совсем понятно, почему плохое должно повториться снова. Ты с тех пор наверняка изменилась, да и предмет твоего интереса уже совсем другой. По крайней мере, прежде чем предпринять какие-нибудь решительные действия, ты можешь узнать его получше, чтобы понять, стоит ли вообще тратить на него свое время. А во-вторых, справиться можно с любыми трудностями. И сколько бы ошибок ты не совершил, всегда есть возможность начать все заново.

Самому Тору не раз приходилось кардинальным образом перестраивать свою жизнь, и не всегда это давалось ему легко. Но, несмотря на наличие и негативного опыта, Мотидзуки был готов снова и снова перестраивать то, что успел воздвигнуть за прошедшие годы, если чувствовал, что созданное из «здание» слишком кривое и годится только под снос.

- Полагаю, тебе стоит делать тоже, что и другие влюбленные девушки. — Тору пока плохо представлял, что посоветовать Ярецы в сложившейся ситуации. — Я же никогда не был влюбленной девушкой, поэтому, чем они занимаются, не имею ни малейшего понятия.

Яреци Фернандез

- Наверное, Вы правы, мистер Мотидзуки, - вздохнула девушка. - Только... как его можно узнать получше? Ну не могу же я вот так просто подойти к нему и сказать, что он мне нравится? Он... он намного старше меня, я ему неинтересна, наверное, - сказала она, поняв, что щеки наливаются румянцем смущения. Стало страшно, а вдруг он сейчас поймет, что речь о нем? Что тогда будет? Тогда он точно прекратит общение с ней...

Но его слова немного отрезвили девушку, она зацепилась за фразу "начать жизнь заново" как за спасительную соломинку. Вдруг он действительно прав, и можно будет измениться самой и изменить свою жизнь? Может действительно это поможет? Но вот как изменить жизнь? Как забыть его?

Надо уехать. Нужно вернуться домой, сказать родителям, что у нее не получилось здесь жизни, поступить в институт, а там... там может быть она забудет его. Но нужно ли ей это? Будет ли это правильным? Наверное, нужно просто решиться и сделать шаг навстречу... мечте?

Но ведь если она уедет, то его может увести другая. Та, которая понравится ему? У

нее, Яреци, просто не будет шансов что-то поменять...

На его последнюю фразу она слабо улыбнулась. Ей показалось, что сейчас мужчина был нежным, добрым, совсем не таким, как тогда, у дерева. Тогда он рассказывал про тессен, даже показал несколько приемов, но был черствым. Да, наверное, так. Черствым учителем. Она помнила его прикосновения, тогда было страшно, как-то неудобно что ли. Но сейчас хотелось говорить с ним и говорить. Просто так. Ни о чем. Хотелось расспросить его о его жизни, почему он развелся с женой, да просто прижаться к нему и никогда не отходить от него.

- Я сама не знаю, что делают нормальные люди. Помню только, что девчонки, влюбившиеся в нашего учителя, скакали перед ним, отвечали на его уроках. Наверное, мне тоже нужно делать что-то подобное? - Она вздохнула.

Тору Мотидзуки

Постепенно все стало становиться на свои места. Тору начало казаться, что он уловил суть проблемы, заключенной, судя по всему, в словах «намного старше» и «неинтересна». При таком раскладе страхи девушки были вполне понятны. Если объект ее интереса был старше лет на десять, он действительно мог воспринимать ее, как милого ребенка, коим она, в понимании японца, как раз и была.

- Не думаю, что сразу стоит говорить о своей симпатии. — Тору всегда удивляло желание девушек и пылких юношей «выливать» наружу все свои чувства и ставить тем самым в неловкое положение и себя, и человека, которому эти чувства были адресованы. - Почему бы просто не пообщаться с ним на темы, которые были бы интересны вам обоим и в процессе не разобраться, кто кому нравится и нравится ли вообще?

Мотидзуки скептически относился к юношеским увлечениям. За свою преподавательскую карьеру он видел немало студенток и студентов, кричащих избраннику или избраннице о своей великой любви, а через пару месяцев, забывая обо всех своих клятвах, переключающихся уже на кого-то другого. Так что, по его мнению, общение с объектом интереса и наличие возможности увидеть его с разных сторон могло стать «отрезвляющим фактором», способным сделать то, с чем не справлялись многократные волевые усилия.

- Скакать не надо, ты же не лошадь. Как и страдать где-нибудь в уголке, придавая всему происходящему мелодраматический оттенок. Как по мне, ничего так не разрушает романтические фантазии как повседневность. Говорить об истинности своих чувств можно только после того, как ты увидел человека самых разных бытовых ситуациях, и при этом у тебя не возникло желание его убить.

Яреци Фернандес

Постепенно становилось легче и спокойнее. Сердце уже билось не так хаотично, как даже в момент первой встречи с ним. У дерева в животе порхали эти непонятные и странные бабочки, сейчас было что-то другое. Что-то новое, никогда ранее не бывавшее, и это сильно ее пугало. Она до сих пор боялась ляпнуть что-то лишнее, но теперь присутствовал хоть какой-то здравый смысл и логичность событий и слов. Нужно быть осторожной, но в то же время так хотелось узнать что-нибудь о нем. Но

что именно? Что спросить у него, чтобы не вызвать его раздражение? Что же все-таки произойдет, если она ему скажет, что влюблена в него? Он ее убьет? Или будет смеяться, как Паша, когда она в сердцах ляпнула ему, что любит его?

Мужчина сказал, что надо подождать, присмотреться, поговорить с ним, чтобы потом сделать соответствующие выводы. Но вот только что он может любить? Холодное оружие? Но она не может определиться, нравится ли ей холодное оружие, хочет ли она знать что-то о нем? Оружие сделано для того, чтобы убивать. Хотя и из сабли можно сделать красивый атрибут для танца. Или из тессенов. Нет, об оружии говорить не стоит, а то он сразу поймет, что она влюбилась именно в него. Может действительно взять и уехать отсюда? Вернуться домой? Устранить причину стресса, чтобы от него избавиться. А как его устранить? Просто уйти самой. Может, это действительно верно? Ну кто она для него - всего лишь маленькая девчонка, которая напридумывала себе черт знает что. Чем таким она может его поразить, что он будет смотреть на нее иначе?

Знаниями. Он преподавал в институте, наверное это был известный институт. Наверное, токийский. Это как МГУ в Москве, тоже известный и крутой. Что там преподают? Историю, философию. В истории девушка не сильна, уж тем более в истории Японии. Знает только про Хиросиму и Нагасаки, да и про Нанкинскую резню совсем немного. И все. Не самые позитивные темы. Если она затронет эту тему, то он точно по головке ее не погладит. Заставит зубной щеткой все мыть. А больше про историю Японии она не знает. Да и про историю Китая тоже. И вообще... Наверное, надо что-то ответить?

- Спасибо вам, мистер Мотидзуки... я попробую следовать вашим советам, вот только... - она задумалась, прикусив нижнюю губу. Главное не ляпнуть ничего лишнего и личного. Черт, это же очень сложно... - вот только как найти эти темы, которые будут интересны обоим? Мистер Мотидзуки, а вы читали легенду про Орфея и Эвридику? Как думаете, он любил ее?

Тору Мотидзуки

На лице девушки отражался тяжелый мыслительный процесс. Видимо она усердно перерабатывала полученную информацию, перекладывая ее на объект собственного интереса. По крайней мере, пока она думала, то не задавала сложных вопросов, которые заставляли Тору чувствовать себя отцом-исповедником, слушающим чужие признания и, по возможности, дающим советы. Разве что ему не приходилось поминать бога, что, с учетом специфического отношения японца к разного вида религиям и условной веры в нескольких богов одновременно, выглядело бы более чем нелепо.

- Про Орфея и Эвридику? – Мотидзуки в очередной раз удивился тому, как быстро мысли девушки перескакивают с одного на другое. – Читал, конечно. Как по мне, так Орфей ее любил, но был в своей любви слишком эгоистичен. Он думал о своих страданиях, а не о том, чего на самом деле хотела его возлюбленная. Не дал ей спокойно уйти, увлек за собой не оставляя ей выбора, а потом, все равно все испортил. Как по мне – это один из худших примеров мужского поведения, облеченный в романтическую оболочку.

Тору не ожидал, что поднятая тема заденет его за живое, но ей это удалось, заставив мужчину погрузиться в не самые приятные воспоминания. Сам он в свое время поступил иначе, отпустив жену, когда понял, что их брак ее тяготит и постепенно высасывает любовь к жизни и оптимизм, которые он так ценил. Но иногда, каким-нибудь дождливым вечером он позволял себе минуту слабости, представляя, как сложилась бы его жизнь, если бы он, подобно Орфею, больше бы думал о своих чувствах и желаниях. В любом случае, сейчас бы он находился в другом месте и не мог бы рассуждать о героях греческих мифов и их непростых отношениях.

Яреци Фернандез

Это было классе в восьмом, кажется тогда им на уроке истории учительница предложила порассуждать, почему же эта красивая легенда так печально закончилась. И какой бы у нее был конец, если бы он не оглянулся. Сама учительница предположила, что он был трусом. Потому что он испугался, что Аид может нарушить условия договора. Но Яреци не думала, что он трус. Она высказала предположение, что он просто не любил Эвридику. Если бы любил, то не обернулся бы. Мысль девчонки не понравилась учительнице, которая и без того не очень хорошо к Яреци относилась, и девочка тогда получила свою первую двойку по этому предмету. Но зато познакомилась с Пашей...

Яреци вынырнула из своих воспоминаний, поймав себя на том, что стало как-то подозрительно тихо. Оказалось, что мужчина ответил на её вопрос, и где-то в глубине своего сознания она попыталась найти слова и предложения, хотя попыталось как-то коряво, но она решила не останавливаться на этом и продолжить рассуждать. А ещё она поняла, что, кажется, не ошиблась в выборе вопроса и темы. Значит... первый камень заложен?

- А мне всегда казалось, что он не любил её. Если бы любил, то ни за что бы не обернулся. А вот она, наверное, его любила... и мне кажется, что если бы его забрала с собой смерть, то она бы... - она задумалась, - наверное... тогда бы не оглянулась посмотреть, идёт ли он следом...

Тору Мотидзуки

Рассуждения Тору на тему отношений Орфея и Эвридики заставили девушку погрузиться в какие-то воспоминания, из которых ей удалось выбраться только к окончанию его небольшого монолога. Видимо, эта тема цепляла Ярецы не меньше, чем его самого, только по другим причинам. И эти причины были настолько сильны, что заставляли юную ученицу снова вернуться к отношениям героев греческих мифов, даже после того, как она получила ответ на свой вопрос.

- Увы, про истинные чувства Эвридики мы ничего толком не знаем. Можем только фантазировать на эту тему. Все основное внимание уделено Орфею и его душевным терзаниям. Но приятно слышать, что у тебя есть свое мнение, которое, вероятно, отличается от мнения большинства.

За время преподавательской деятельности Тору порядком устал от постоянных попыток некоторых студентов угадать его мысли и подстроить свой ответ соизмеримо им. Подобное поведение убивало весь интерес к практикующей нечто

подобное персоне и являлось знаком, что он нее стоит держаться подальше. Говоря по правде, японец редко вступал с кем-то в беседы, не связанные с процессом обучения или решения профессиональных вопросов. Так что Ярецы, хоть об этом и не знала, стала одной из немногих людей, не вызывающих у Мотидзуки желания держать их от себя на расстоянии не менее десяти метров.

- Тебе нравятся мифы? – Тору попробовал перевести щекотливую тему любовных взаимоотношений на что-то нейтральное. Все-таки в роли старшего по возрасту советчика по вопросам любви и нелюбви он чувствовал себя как-то неуютно.

Ярецы Фернандез

- Ну или отпустила его, - закончила она свою мысль в тот момент, когда он снова начал говорить. Ей нравился его голос, когда он просто разговаривал, не обучал чему-то, не ругал или не объяснял что-то. Она на мгновение представила его преподавателем в институте или школе. Наверное, он был бы строгим, чёрствым и холодным учителем. Который будет требовать беспрекословного выполнения его заданий. Может быть при этом он бы помогал тем, кто что-то не понимает.

На некоторое время в библиотеке повисло молчание, которое и должно быть в таком месте. Девушке всегда казалось, что библиотека создана только для того, чтобы читать. Думать. Медитировать. Но никак не для разговоров. Иногда её выбешивали мальчишки и девчонки, орущие в библиотеке и кидающиеся книгами. Она не могла понять, как можно кидаться книгой? Или рвать книгу? Сама она старалась бережно относиться к этому, иногда в школьной библиотеке помогала подклеивать книги. Конечно, в детстве бывало, что порвёт книгу или даже съест кусок бумаги, но наверное нет в мире ни одного человека, который так не поступал.

Задней мыслью она поняла, что последние несколько минут тон сидящего напротив неё мужчины несколько изменился. Он стал более... грустным, что ли? Каким-то другим. Наверное, ему в этот дождливый день тоже тоскливо и одиноко... интересно, а почему всё-таки он развёлся с женой?

И снова этот вопрос чуть не слетел с её губ, но именно в этот момент её спас случай, и она облегчённо вздохнула.

- Я бы не сказала, что очень нравятся. Я читала мифы Древней Греции, немного знаю Скандинавскую мифологию. С миру по нитке, как говорится. К сожалению, мне нигде не встречались мифы моего народа, хотя ацтеки были достаточно интересные люди, - она улыбнулась. - А вы? Любите мифы?

Тору Мотидзуки

Судя по облегченному вздоху, девушка и сама была не против изменить направление беседы на что-нибудь не слишком бередящее душу. А поскольку тема мифов являлась вполне себе нейтральной, то Ярецы быстро за нее уцепилась и задала встречный вопрос.

- Мифы крайне заняты. Из них много можно узнать о проблемах и надеждах отдельных народов. Их тайных страхах и желаниях. И, что самое интересное, одни и те же сюжеты, зародившись вероятное, еще до выхода человека из Африки,

распространились по всему свету, заглянув даже в самые отдаленные уголки земли. Поэтому да, мифы мне нравятся.

Отвлечшись от рассуждений о мифах, Тору вернулся к моменту, который он отметил сразу, но решил оставить до того времени, пока не ответит на заданный вопрос.

- В твоих жилах течет кровь ацтеков? Удивительно. Если честно, я бы никогда не догадался. Твои черты лица, - японец окинул девушку изучающим взглядом, - скорее европейские. Хотя, если присмотреться... что-то подобное становится заметным. Видимо раньше я просто был невнимателен.

Специфика его общения с Ярецы раньше не располагала к любованию достоинствами ее внешности. Тору не привык разглядывать лица учеников, предпочитая больше внимания уделять тому, что они говорят и как двигаются. Но сейчас он не выступал в роли преподавателя, а потому мог позволить себе проявить интерес в тех сферах, которые раньше им по каким-либо причинам игнорировались.

Яреци Фернандез

- Я никогда не думала, что мифы, как вы говорите, возможно появились в Африке, а потом распространились по миру. - Разумеется, она тоже знала, что Африка - это колыбель человечества, что именно здесь зародилась жизнь. - Хотя что-то общее у них есть, с этим сложно поспорить. У нас в школе это была обязателька, нам для чего-то нужно было знать всех греческих богов, все подвиги Геракла. А вот мифологии того народа, где я училась, не уделялось совсем времени.

Она замолчала, смущенно опустив глаза на маленький столик. Нужно быть очень осторожной, нельзя много говорить, чтобы его не разозлить. Она все еще боялась взболтнуть что-то лишнее и личное, тем самым нарушив эту хрупкую грань между тем, что происходит сейчас, и раздражением этого загадочного и сурового мужчины. Она больше не хотела его раздражать, ведь она и без того своим дурацким поведением поставила его в неловкое положение аж несколько раз. Когда он говорил на отвлеченные темы, он казался милым и добрым. Не "милашкой", как сказали ее одноклассницы про учителя английского. Просто хороший человек с интересной судьбой. Может даже тяжелой...

Яреци привыкла видеть в людях что-нибудь хорошее, даже если на первый взгляд в них этого нет. Но в очередной раз она поняла, что с этим человеком надо быть предельно осторожной.

- Ничего страшного, в это все равно мало кто верит, - пожала она плечами. - Мои родители больше похожи на мексиканцев, чем я. Наверное, влияет место жизни на внешность... ну, как долгая совместная жизнь... К тому же мне из-за цвета моих глаз приходится всякую грязь выслушивать. Мол, мама изменила папе с европейцем. А потом мы начали проходить генетику. И я узнала, что в очень маленьком проценте случаев у кареглазых может родиться ребенок с голубыми глазами. В это правда никто не поверил из этих идиотов...

И снова она почувствовала какой-то страх, что сказала лишнее, заставила его тем самым слушать то, что ему, скорее всего, было безразлично. Но что теперь делать? Если она замолчит он может уйти. А если она будет говорить дальше... черт, как же

не нарушить эту грань между искренним интересом и навязчивостью?

- Мистер Мотидзуки, - неуверенно прервала она молчание, которое, как ей показалось, могло затянуться. - Вы же японец, - уточнила она, и это прозвучало глупо, - у вас ведь другая религия... расскажите мне что-нибудь про буддизм?

Она почувствовала, как сильно краснеет, а руки вспотели. Все, он теперь точно уйдет. И заставит ее из-за своего любопытного носа убираться. Или какое-нибудь еще наказание придумает. Черт, все, это конец. Хотя, с другой стороны, будет легче уехать и забыть о нем...

Тору Мотидзуки

- Не думаю, что стоит обращать внимание на чужие замечания. Земля всегда славилась идиотами. — Тору не считал, что нетипичный для представительницы конкретного народа цвет глаз стоил повышенного интереса со стороны окружающих. Хотя дети всегда отличались жестокостью и могли найти повод сказать гадость даже из-за какой-то ерунды.

И снова девушке удалось удивить его своим странным вопросом настолько сильно, чтобы заставить забыть необходимость рассердиться и выразить недовольство от вмешательства в личную жизнь. Кому другому Мотидзуки вряд ли бы спустил подобные вольности, но Ярецы делала все с такой наивностью и искренним интересом, что вызывала, скорее, умиление, чем желание на нее поругаться.

- Сегодня с утра был японцем. — Тору сам поразился серьезности тона, с которым он это произнес. — Вообще, в Японии прекрасно сосуществуют сразу несколько религий. Но со мной в этом плане все сложно. Не назвал бы себя приверженцем какого-то конкретного религиозного направления. Хотя мне не раз приходилось обращаться к божеству Мариситэн, которое в некоторых мифологических вариантах является покровителем войнов. Согласно легенде именно оно даровало основателю одной из старейших воинских школ три техники меча — Ицуцу, Нанацу, Касуми и технику копья — Хакка. Кстати, это божество особенно интересно тем, что впитало в себя традиции буддизма и синтоизма.

Увлечшись рассказом, Тору чуть не забыл, что изначально девушку интересовало нечто другое, и решил уточнить:

- Тебе хочется узнать про буддизм что-то конкретное? Просто обычную информацию о происхождении и основных положениях можно найти и в книгах. Хотя все равно можешь спрашивать, пока я еще не успел разозлиться на излишнее любопытство и подобно ёкаю не решил полакомиться твоей печенью.

Ярецы Фернандез

Ах, он не рассердился. Ах, он не прогнал её и не заставил убирать весь монастырь. Это прекрасно. Это просто замечательно! Вот только почему-то радости от этого как-то нет. Кажется, она всё-таки немного переборщила с вопросами. И теперь нужно быть ещё осторожнее, чтобы это замечательное времяпрепровождение не окончилось столь внезапно, что пришлось бы сожалеть об этом.

Мужчина унёсся в рассказ о религиях Японии, и девушка с жадностью ловила

каждое его слово, стараясь при этом ещё и запоминать. Вдруг пригодится когда-нибудь? Он был серьёзен, ей даже показалось, что немного, совсем капельку, рассердился, однако вот просьба рассказать о буддизме даже ей самой показалась какой-то странной. Ведь действительно, о буддизме, так же как и о других религиях можно почитать в книгах. А что конкретное можно у него спросить? наверное, не стоит вообще об этой религии спрашивать, пока она не узнает хотя бы основы кой-какие. Да и вообще религия - не самая приятная тема для разговора. Хотя если выбирать между Хиросимой с Нагасаки и религией, то всё-таки религия будет менее травмоопасна.

- А кто такой ёкай? - Спросила она совершенно серьёзным голосом, нахмурившись. - Это что-то типа йети? - Она посмотрела на него. - Я, кстати, вас не отвлекаю? - она вспомнила, что всё-таки в библиотеку приходят с несколько другой целью.

Тору Мотидзуки

Услышав вопрос девушки, Тору даже разозлился на себя за невнимательность. Он настолько привык использовать японские слова и выражения, что постоянно забывал уточнять у собеседников, понимают ли они вообще то, о чем он говорит.

- Ёкаями в Японии называют различных сверхъестественных существ. — Мотидзуки нелегко было в несколько предложений запихнуть целый пласт культуры, но он, ориентируясь на уровень знаний Ярецы, постарался максимально все упростить. — Они не обязательно должны быть враждебны к людям. Некоторые могут просто озорничать или вообще не проявлять к ним никакого интереса. Я же, собственно, в своих словах упомянул тех, кто не против полакомиться человеческим мясом. Вроде людоедов Они.

Последние же слова девушки напомнили Тору, что он действительно пришел сюда не для того, чтобы заводить беседы с юными ученицами о любовных переживаниях, ёкаях и прочих странных вещах.

-Да, ты права, я собирался найти несколько заинтересовавших меня книг. Ладно, не буду больше отвлекать тебя от чтения или сна. Надеюсь, тебе удастся разобраться со всеми трудностями и обрести душевный покой.

С этими словами Тору поднялся и направился к стеллажу, на котором, как ему казалось, должны были находиться объекты его будущих поисков. Вместе с этим, он все же не мог отказать себе в желании время от времени бросать быстрый взгляд на Ярецы, проверяя, чем та занимается в данный момент. Воистину, эта юная особа, несмотря на все свои странности, а, может, именно благодаря им, смогла вызвать к себе его интерес и заставить думать о своей персоне чуть больше, чем Тору привык, когда дело доходило до одного из обычных учеников.
